

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я прошу у читателя снисхождения к необычной форме этой «Физиологии любви».

Вот уже двадцать восемь лет, как потрясающие перемены, последовавшие за падением Наполеона, лишили меня моего положения. Двумя годами раньше, тотчас же после ужасов отступления из России, случай забросил меня в прелестный город, где я твердо рассчитывал провести остаток своих дней, что казалось мне восхитительным. В счастливой Ломбардии, в Милане, в Венеции наслаждение — главнейшее или, вернее сказать, единственное занятие в жизни. Ни малейшего внимания к делам или поведению соседей: люди почти не заботятся о том, что происходит с другими. Если они замечают существование соседей, то им и в голову не приходит ненавидеть их. Вычеркните зависть из жизни французского провинциального города. Что останется? Отсутствие, невозможность жестокой зависти составляет несомненный элемент счастья, влекущего в Париж всех провинциалов.

В связи с маскарадами карнавала 1820 года, более блестящими, чем обычно, на глазах миланского общества разыгралось пять или шесть совершенно безумных сцен; хотя в этой стране и привыкли к вещам, которые показались бы совершенно невероятными во Франции, ими все же занимались целый месяц. Бо-

язнь смешного сделала бы у нас невозможными столь странные поступки, мне нужна большая смелость, чтобы дерзнуть хотя бы только заговорить о них.

Однажды вечером, в то время как следствия и причины наших сумасбродств подвергались глубокому обсуждению в салоне очаровательной г-жи Пьетра-груа, которая, вопреки обыкновению, не была замешана ни в одном из обсуждавшихся безумств, мне вдруг пришло в голову, что меньше чем через год, пожалуй, у меня сохранится лишь очень смутное воспоминание об этих странных событиях и причинах, которыми их объясняли. Я схватил программу какого-то концерта и набросал на ней несколько слов карандашом. Затем я играл в *фараон*; нас собралось тридцать человек вокруг зеленого стола, но разговор стал настолько оживленным, что мы забыли об игре. К концу вечера пришел полковник Скотти, один из самых привлекательных людей в итальянской армии; к нему обратились за его долей сведений относительно странных фактов, интересовавших нас; и вот он рассказал нам вещи, о которых узнал по воле случая и которые придавали этим фактам совершенно новое освещение. Я опять взял программу концерта и записал эти новые подробности.

Это собирание особенностей из области любви я продолжал тем же способом и дальше, записывая их карандашом на клочках бумаги, попадавших мне в гостиных, где при мне рассказывали всякие случаи из жизни. Вскоре я приступил к поискам какого-нибудь общего закона для установления различных стадий любви. Два месяца спустя, боясь, что меня примут за *карбонария*, я вернулся в Париж — всего, как я думал, на несколько месяцев; но мне никогда больше не суждено было увидеть Милан, где я провел семь лет.

В Париже я умирал от скуки. Мне пришло в голову вновь заняться прелестной страной, из которой меня изгнал страх; я собрал в одну пачку мои листки и подарил тетрадь одному книгопродавцу. Однако вскоре возникло затруднение; типограф заявил, что невозможно набирать заметки, набросанные карандашом. Я отлично понял, что печатание такого рода рукописи кажется ему ниже его достоинства. Юный типографский подмастерье, вернувший мне мои заметки, был, по-видимому, весьма пристыжен неприятным поручением, которое на него возложили; он умел писать; я продиктовал ему свои заметки, сделанные карандашом.

Я понял также, что скромность вменяет мне в обязанность изменить собственные имена и в особенности сократить рассказы. Хотя в Милане читать и не принято, эта книга, если бы ее завезли туда, могла бы показаться чудовищно злой.

Итак, я опубликовал эту злосчастную книгу. Беру на себя смелость признаться, что в то время я имел дерзость презирать изящный стиль. Я видел, что юный подмастерье весьма тщательно избегал недостаточно звучных окончаний фраз и слов, образующих неприятные звукосочетания. С другой стороны, он не стеснялся при всяком удобном случае изменять подробности событий, с трудом поддающихся изложению: сам Вольтер боится того, что трудно выразить.

В «Опыте о любви» могло представлять ценность только множество оттенков чувств, правдивость которых я просил читателя проверить по воспоминаниям, если ему посчастливилось испытать такие чувства. Но случилось нечто гораздо худшее: в те времена, как и всегда, я был весьма неопытен в литературных делах; книгопродавец, которому я подарил рукопись, издал ее на скверной бумаге и нелепым форматом.

А через месяц, когда я спросил его о судьбе книги, он объявил мне: «Она словно заколдована: никто к ней не прикасается».

Мне даже не пришло в голову хлопотать об отзывах в газетах; такая вещь показалась бы мне низостью. Между тем ни одно сочинение не испытывало более настоятельной нужды в рекомендации терпеливому читателю. Под угрозой показаться непонятным с первых же страниц, необходимо было убедить публику принять новое слово *кристаллизация*, предложенное мною с целью образно определить ту совокупность странных фантазий, которые представляются правдивыми и даже не подлежащими сомнению относительно любимого существа.

В ту пору, будучи под обаянием мелких подробностей, которые я недавно еще наблюдал в обожаемой мною Италии, совершенно влюбленный в них, я тщательно избегал каких-либо уступок, какой-либо закругленности стиля, способных сделать «Опыт о любви» менее экстравагантным в глазах литераторов.

К тому же я не льстил публике; то было время, когда у литературы, подавленной столь великими и столь недавними несчастьями, не было, казалось, иного занятия, как утешать наше страдающее тщеславие; она рифмовала «воитель» и «победитель», «бой» и «герой» и т. д. Скучная литература этой эпохи как будто ничуть не стремилась изобразить истинные обстоятельства событий, которые она бралась описывать; ей нужен был только предлог для восхваления нации, рабски преданной моде, нации, которую некий великий человек назвал великой, забыв, что она была великой лишь тогда, когда он был ее вождем.

Не зная условий, нужных хотя бы для самого скромного успеха, с 1822 по 1833 год я нашел только семнадцать читателей, а за двадцать лет своего суще-

ствования «Опыт о любви» был понят в лучшем случае сотней любознательных людей. У некоторых хватило терпения понаблюдать различные стадии этой болезни у окружающих, ибо, чтобы понять страсть, которая вот уже тридцать лет столь тщательно прячется у нас из боязни показаться смешной, нужно говорить о ней как о болезни; таким путем можно добиться иногда ее излечения.

Действительно, только после полувека переворотов, которые поочередно завладевали всем нашим вниманием, действительно, только после пяти коренных перемен в формах и устремлениях наших правительств революция начинает понемногу внедряться в наши нравы. Любовь — или то, что наиболее часто заменяет ее, присваивая ее имя, — была всемогуща во Франции при Людовике XV: придворные дамы производили в чин полковника, а чин этот был самым завидным в королевстве. Прошло пятьдесят лет, двора уж нет, и самые влиятельные женщины господствующей буржуазии и брюзжащей аристократии не могут добиться даже, чтобы кому-нибудь дали патент на табачную лавочку в самом глухом местечке.

Ибо надо признаться: женщины больше не в моде; в наших столь блестящих салонах двадцатилетние молодые люди рисуются тем, что не разговаривают с ними; они предпочитают толпиться вокруг какого-нибудь грубого краснобая, обсуждающего с провинциальным акцентом вопрос о *способностях*, и пытаются вставить в разговор свое словечко. Богатые молодые люди, которые жаждут казаться ветреными, чтобы иметь вид преемников хорошего общества прежних времен, предпочитают говорить о лошадях и вести крупную игру в клубах, куда женщины не допускаются. Убийственное хладнокровие, как будто управляющее отношениями молодых людей и два-

дцатилетних женщин, возвращенных обществу скукой брака, заставит, может быть, некоторых здравомыслящих людей благосклонно принять это добросовестное и точное описание последовательных стадий болезни, именуемой любовью.

Ужасающая перемена, повергшая нас в нынешнюю скуку и сделавшая для нас непонятным общество 1778 года в том виде, в каком оно раскрывается в письмах Дидро к м-ль Воллан, его возлюбленной, или в «Мемуарах» г-жи д'Эпине, может внушить нам желание выяснить, которое именно из наших последовательно сменявшихся правительств убило в нас способность к веселью и придало нам сходство с самым унылым народом на земле. Мы не в силах даже воспроизвести у себя их *парламент*, их партийную честность, единственно сносное из всего, что они выдумали. Зато самое глупое из их унылых изобретений, кичливость, заменило у нас французскую веселость, которую нигде не встретишь больше, разве только на пятистах балах парижских предместий или на юге Франции за Бордо.

Но которому из наших последовательно сменявшихся правительств обязаны мы страшным несчастьем *англизации*? Винить ли в этом энергичное правительство 1793 года, помешавшее иностранцам расположиться лагерем на Монмартре, правительство, которое спустя немного лет покажется нам героическим и которое служит достойной прелюдией тому, которое при Наполеоне разнесло наше имя по всем столицам Европы?

Мы забудем благонамеренную глупость Директории, прославившейся благодаря таланту Карно и бесмертной итальянской кампании 1796–1797 годов.

Распушенность двора Барраса еще напоминала веселье старого режима; очарование г-жи Бонапарт по-

казывало, что у нас не было тогда ни малейшего предрасположения к угрюмости и спеси англичан.

Глубокое уважение к способу управления первого консула, которое мы, несмотря на зависть Сен-Жерменского предместья, не могли победить в себе, и исключительно достойные люди, как Крете, Дарю и т. д., блиставшие тогда в парижском обществе, не позволяют нам взвалить на Империю ответственность за ту огромную перемену, которая совершилась во французском характере в течение первой половины XIX века.

Углублять мое исследование бесполезно: читатель поразмыслит и, конечно, сумеет сам сделать вывод...

Книга первая

Глава I О ЛЮБВИ

Я пытаюсь дать себе отчет в этой страсти, всякое искреннее проявление которой носит печать прекрасного.

Есть четыре рода любви:

1. Любовь-страсть: любовь португальской монахини, любовь Элоизы к Абеляру, любовь капитана Везеля, любовь жандарма в Ченто.

2. Любовь-влечение, которое царило в Париже в 1760 году и которое можно найти в мемуарах и романах этого времени — у Кребийльона, Лозена, Дюкло, Мармонтеля, Шамфора, г-жи д'Эпине и т. д., и т. д.

Это картина, где все, вплоть до теней, должно быть розового цвета, куда ничто неприятное не должно вкрасться ни под каким предлогом, потому что это было бы нарушением верности обычаю, хорошему тону, такту и т. д. Человеку хорошего происхождения заранее известны все приемы, которые он употребит и с которыми столкнется в различных фазисах этой любви; в ней нет ничего страстного и непредвиденного, и она часто бывает изящнее настоящей любви, ибо ума в ней много; это холодная и красивая миниатюра по сравнению с картиной одного из Каррачи, и в то время, как любовь-страсть заставляет нас жертвовать всеми

нашими интересами, любовь-влечение всегда умеет приноравливаться к ним. Правда, если отнять у этой бедной любви тщеславие, от нее почти ничего не останется; лишенная тщеславия, она похожа на выздоравливающего, который до того ослабел, что едва может ходить.

3. Физическая любовь.

Подстеречь на охоте красивую и свежую крестьянку, убегающую в лес. Всем знакома любовь, основанная на удовольствиях этого рода; какой бы сухой и несчастный характер ни был у человека, в шестнадцать лет он начинает с этого.

4. Любовь-тщеславие.

Огромное большинство мужчин, особенно во Франции, желают обладать и обладают женщинами, которые в моде, как красивыми лошадьми, как необходимым предметом роскоши молодого человека; более или менее польщенное, более или менее возбужденное, тщеславие рождает порывы восторга. Иной раз, но далеко не всегда, тут есть физическая любовь; часто нет даже физического удовольствия. «В глазах буржуа герцогине никогда не бывает больше тридцати лет», — говорила герцогиня де Шон, а люди, близкие ко двору короля Людовика Голландского, этого справедливого человека, до сих пор еще улыбаются, вспоминая об одной хорошенькой женщине из Гааги, не решавшейся не найти очаровательным мужчину, если он был герцог или принц. Но, соблюдая верность монархическому принципу, она, едва лишь при дворе появлялся принц, тотчас давала отставку герцогу; она была как бы украшением дипломатического корпуса.

Наиболее счастливо складываются эти пошлые отношения тогда, когда физическое удовольствие усиливается благодаря привычке. Воспоминания придают ей тогда некоторое сходство с любовью; покинутый испытывает укол самолюбия и грусть; образы, встающие из романов, волнуют его, и он воображает себя влюбленным и тоскующим, ибо тщеславие жаждет казаться великой страстью. Несомненно то, что, какому бы роду любви мы ни были обязаны наслаждением, оно становится острым, как только к нему примешивается экзальтация, и тогда воспоминание о нем бывает увлекательно; а в этой страсти, в противоположность большинству других страстей, воспоминание об утраченном всегда кажется выше того, чего мы можем ждать от будущего.

Иногда привычка или отсутствие надежд на лучшее превращает любовь-тщеславие в наименее привлекательный вид дружбы; она хвастает своей прочностью и т. д.¹

Физическое удовольствие, свойственное природе человека, знакомо всем, но нежные и страстные души отводят ему лишь второстепенное место. Однако если такие души кажутся смешными в салонах, если светские люди часто причиняют им страдания своими интригами, им зато даны радости, совершенно недоступные сердцам, которые сильно бьются только из-за тщеславия или из-за денег.

---

¹ Известный разговор Пон де Вейля и г-жи Дюдефан у камина. (Здесь и далее цифрой обозначены примечания автора. — *Ред.*)

Некоторые добродетельные и нежные женщины не имеют почти никакого понятия о физических наслаждениях; они, если можно так выразиться, редко достаются им и, даже когда это случается, восторги любви-страсти заставляют их почти забывать о телесном наслаждении.

Среди мужчин есть жертвы и орудия адской гордости, гордости в духе Альфьери. Эти люди, жестокие, может быть, потому, что они всегда трепещут, подобно Нерону, судя о всех своих ближних по собственному сердцу, эти люди, говорю я, испытывают физическое наслаждение лишь тогда, когда оно сопровождается величайшим удовлетворением гордости, то есть когда они изощряются в жестокости над женщиной, доставляющей им наслаждение. Отсюда ужасы «Жюстины». Эти люди не могут приобрести чувства уверенности менее дорогой ценой.

Впрочем, вместо того, чтобы различать четыре рода любви, вполне возможно допустить восемь или десять разновидностей ее. У людей, пожалуй, столько же способов чувствовать, сколько точек зрения, но различия в номенклатуре ничего не меняют в дальнейших рассуждениях. Всякая любовь, которую случается наблюдать на земле, рождается, живет и умирает или возвышается до бессмертия, следуя одним и тем же законам¹.

---

¹ Эта книга — вольный перевод итальянской рукописи Лизио Висконти, в высшей степени выдающегося молодого человека, недавно умершего у себя на родине в Вольтерре. В день своей неожиданной кончины он позволил переводчику опубликовать его «Опыт о любви», если переводчик окажется в состоянии дать ему пристойную форму (Кастель Фьерентино. 10 июня 1819).

Глава II

О ЗАРОЖДЕНИИ ЛЮБВИ

Вот что происходит в душе:

1. Восхищение.

2. Человек думает: «Какое наслаждение целовать ее, получать от нее поцелуй!» — и т. д.

3. Надежда.

Начинается изучение совершенства; чтобы получить возможно большее физическое наслаждение, женщине следовало бы отдаваться именно в этот момент. Даже у самых сдержанных женщин глаза краснеют в миг надежды; страсть так сильна, наслаждение настолько живо, что оно проявляется в разительных признаках.

4. Любовь зародилась.

Любить — значит испытывать наслаждение, когда ты видишь, осязаешь, ощущаешь всеми органами чувств и на как можно более близком расстоянии существо, которое ты любишь и которое любит тебя.

5. Начинается первая кристаллизация.

Нам доставляет удовольствие украшать тысячу совершенств женщину, в любви которой мы уверены; мы с бесконечной радостью перебираем подробности нашего блаженства. Это сводится к тому, что мы преувеличиваем великолепное достояние, которое упало нам с неба, которого мы еще не знаем и в обладании которым мы уверены.

Дайте поработать уму влюбленного в течение двадцати четырех часов, и вот что вы увидите.

В соляных копиях Зальцбурга в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I. О любви	15
Глава II. О зарождении любви	19
Глава III. О надежде	24
Глава IV	27
Глава V	28
Глава VI. Зальцбургская ветка	29
Глава VII. О различиях между зарождением любви у обоих полов	32
Глава VIII	34
Глава IX	38
Глава X	39
Глава XI	42
Глава XII. Кристаллизация	43
Глава XIII. О первом шаге, о высшем свете, о несчастьях	45
Глава XIV	48
Глава XV	51
Глава XVI	52
Глава XVII. Красота, развенчанная любовью	54
Глава XVIII	55
Глава XIX. Еще об исключениях в вопросе о красоте ...	57

Глава XX	61
Глава XXI. О первом впечатлении	61
Глава XXII. О восторженности	65
Глава XXIII. Внезапные вспышки	66
Глава XXIV. Путешествие в неведомую страну	71
Глава XXV. Представление	78
Глава XXVI. О стыдливости	81
Глава XXVII. О взглядах	91
Глава XXVIII. О женской гордости	92
Глава XXIX. О женском мужестве	101
Глава XXX. Странное и грустное зрелище	106
Глава XXXI. Выдержка из дневника Сальвиати	107
Глава XXXII. О близости	118
Глава XXXIII	126
Глава XXXIV. О дружеских признаниях	126
Глава XXXV. О ревности	130
Глава XXXVI. О ревности (продолжение)	138
Глава XXXVII. Роксана	141
Глава XXXVIII. Об отместке	144
Глава XXXIX. Любовь, основанная на ссорах	152
Глава XXXIX bis. Лекарства от любви	158
Глава XXXIX ter	162

КНИГА ВТОРАЯ

Глава XL	167
Глава XLI. О различии наций в отношении любви. О Франции	170
Глава XLII. О Франции (продолжение)	175
Глава XLIII. Об Италии	179
Глава XLIV. Рим	183
Глава XLV. Об Англии	186
Глава XLVI. Об Англии (продолжение)	191
Глава XLVII. Об Испании	197

Глава XLVIII. О немецкой любви	199
Глава XLIX. День во Флоренции	206
Глава L. Любовь в Соединенных Штатах	215
Глава LI. О любви в Провансе до завоевания Тулузы северными варварами в 1328 году	218
Глава LII. Прованс в XII веке	226
Глава LIII. Аравия	234
Глава LIV. О женском образовании	244
Глава LV. Доводы против женского образования	250
Глава LVI. Продолжение	261
Глава LVI bis. О браке	268
Глава LVII. О том, что называется добродетелью	270
Глава LVIII. Положение Европы в отношении брака ...	272
Глава LIX. Вертер и Дон Жуан	283
Примечания. А. Смирнов	297